

Хилари Мантел

Хилари Мантел

Перемена климата

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М23

Серия «XX век / XXI век — The Best»

Hilary Mantel

A CHANGE OF CLIMATE

Перевод с английского *В. Желнинова*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств AM Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

Мантел, Хилари.

М23 Перемена климата : [роман] / Хилари Мантел ; [пер. с англ. В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (XX век / XXI век — The Best).

ISBN 978-5-17-105233-1

Пастор Ральф и его жена Анна живут в Норфолке, воспитывая четверых детей и посвящая свою жизнь благотворительности. Постоянный поток «добрых душ и печальных дел» скрывает растущие кризисы в собственной семье, разочарование собственных детей, трещины в собственном браке.

Воспоминания о миссионерском служении в Южной Африке и Ботсване, об ужасных африканских трагедиях, определивших их дальнейшую жизнь, угрожают разрушить хрупкий мирок, который они построили для себя.

Это потрясающе умный роман, который задает самые сложные вопросы.

Все ли можно простить и как отпустить прошлое?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-105233-1

© Hilary Mantel, 1994

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Дженни Найпол

Предуведомление

Все персонажи этой книги являются вымышленными, за исключением архиепископа Кейптаунского, образ которого «списан» с его реального прототипа Джеффри Клейтона. Кроме того, в уста упомянутого персонажа вложены отрывки из выступлений и проповедей монсеньора Клейтона.

Населенный пункт Мосадиньяна — вымышленный, как и таунишип Элим, однако я многое почерпнула из воспоминаний Ханны Стэнтон, которая работала в таунишипе Леди Селборн.

Случаями наподобие того, что произошел с семейством Элдред, пестрят отчеты по юридической практике Ботсваны.

Автор

Нас здесь интересуют не упования или страхи, но лишь истина — в той степени, в какой наш разум позволит ее обнаружить. Я предоставил свидетельства настолько полные, насколько смог собрать...

Чарльз Дарвин. «О происхождении видов» (1871)

Вспомни же, погибал ли кто невинный и где праведные бывали искореняемы?

Иов. 4:7.

ГОД 1970-Й. ПЕЧАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ И ДОБРЫЕ ДУШИ

Однажды, когда Кит было десять, некая гостья перерезала себе вены на кухне. Она только-только совершила этот трудный шаг к собственной смерти, когда Кит вошла на кухню за кружкой молока.

Этой женщине по имени Джоан было шестьдесят лет, и она носила платье из синтетики, которым разжилась в лавке подержанных вещей. По виду типичная домохозяйка, она встала так, чтобы ее кровь стекала не на пол, а в раковину. Когда Кит тронула ее за локоть, она уронила нож прямо в раковину, а той рукой, что не была в крови, попыталась прикрыть Кит глаза.

К тому моменту своей жизни Кит уже мало чему удивлялась. Нырнув под заботливо протянутую руку Джоан, она подумала: это же наш нож для хлеба, между прочим! А вслух сказала:

— Джоан, не надо этого делать. Пожалуйста, отойдите от раковины. Вот, присядьте на стул, а я принесу набор первой помощи.

Джона позволила отвести себя от раковины и усадить на стул за кухонным столом. Кит достала из ящика чистое полотенце и перевязала порезанное запястье Джоан. Полотенце было двуцветное, в красную и белую клетки, и продолжавшая сочиться из раны кровь Джоан пропитала ткань черными разводами. Порезы были неглубокими, какими-то нерешительными, что ли, повседневными.

— Пошевелите пальцами, — распорядилась Кит. — Надо убедиться, что вы ничего себе не испортили.

Джоан уставилась на свою руку сухими, перепуганными глазами, а девочка тем временем взобралась на стул и извлекла из буфета нужную коробку.

— Повезло, что сейчас не каникулы, — продолжала Кит, доставая бинт и ножницы с закругленными кончиками. — Иначе меня бы тут не было. Я сидела наверху, книжку читала. Называется «Дети из Нью-Фореста». Читали, нет? Она про семью вроде нашей. Два мальчика, две девочки, только они жили давным-давно, много лет назад.

Шевели пальцами, подруга, — прикрикнула она на себя. — И не молчи, говори.

На курсах первой помощи в школе их учили, что пострадавшего нужно отвлечь и успокоить.

— Эти дети жили в лесу совсем одни. — Джоан кивнула, но было заметно, что она толком ничего не соображает. — Они были роялистами, и им пришлось прятаться от врагов.

Кит боялась, что Джоан потеряет сознание и упадет за мертво на плитку кухонного пола.

— Погодите, я налью вам воды. Или нет, лучше горячего и сладкого чая.

«Бедняжка Джоан, — подумала она. — Наверняка ей хотелось умереть». Папа недаром любит повторять: когда нужен острый нож, его нигде не найти.

Наливая воду в чайник, Кит услышала за окном рокот материнской машины. Знакомые звуки — гул мотора, дребезжание крыльев, скрип шин по асфальту. Облегчение окатило ее волной, ноги словно подкосились. Она поставила чайник на конфорку и принялась протирать раковину чистящим средством.

Ее мама, Анна, вошла на кухню, поставила на стол сумки с едой, оглядела — скорее печально, чем удивленно — сгорбившуюся на стуле Джоан.

— И мне тоже налей, — попросила она у дочери.

Той ночью Кит случайно подслушала обрывок родительского разговора шепотом.

— Ральф, ты не говорил, что она склонна к самоубийству!

— Я не говорил, потому что сам не знал!

Кит плотнее прикрыла дверь спальни: она не желала подслушивать родителей и вызнать их тайны.

Три дня спустя она вошла на кухню и увидела, что мама стоит на четвереньках у раковины и трет щеткой пол.

— Крови нет, — объяснила Кит. — Я все вытерла.

Анна не ответила. Молча встала, взяла ведро и вылила пенную от мыла воду в раковину.

К тому дню Джоан уже ушла, уместив все свои пожитки в две просторные дорожные сумки, с которыми явилась в их дом. Среди гостей такие внезапные исчезновения случались довольно часто; еще бы, их гости сильно отличались от тех, какие заходили в другие дома. Ральф наводил справки в полиции, в Армии спасения и в министерстве здравоохранения и общественной безопасности, но нигде не получил вразумительного ответа. Когда Анна стала проверять набор первой помощи — ей полагалось следить, чтобы там всегда имелось все нужное, — она увидела, что Джоан забрала с собой запасной бинт. Это сочли обнадеживающим признаком.

В те годы, когда подрастали дети, их дом был полон людей наподобие Джоан. Ральф привозил некоторых из лондонского хостела, принадлежавшего благотворительному фонду, где он работал. Других он подбирал из числа тех, от кого отказывалось министерство, не ведая, как с ними поступать, или из тех, кому не хватало коек в местной психиатрической лечебнице. Порой же они приходили самостоятельно, прятались от ветра в дворовых пристройках, ожидая его прихода. «Такой-то — печальная история», — обычно сообщал он, и с годами в кругу семьи за этими людьми закрепилось именно такое прозвище: Печальные истории. Иных же Ральф называл добрыми душами: «Твоя тетушка Эмма приютила такого-то в своей клинике для наркоманов в Норидже, добрая душа».

Пока Кит подрастала, мир делился для нее на две части — на Добрые души и Печальные истории. В этом разделении не было никакого пренебрежения и никакой снисходительности.

ГЛАВА 1

В день похорон Феликса Палмера его жена Джинни повстречала его любовницу Эмму. Конечно, им доводилось сталкиваться и раньше. Графство Норфолк не такое уж большое и многолюдное, чтобы они никогда не пересекались друг с другом. На этих встречах поведение обеих определялось чванливым и намеренным игнорированием противницы со стороны Джинни, несокрушимым самообладанием Эммы и стремлением Феликса сохранить такой порядок вещей, который устраивал его целиком и полностью.

На протяжении многих лет они сталкивались в душных залах приходских собраний, на заседаниях благотворительных советов и на сборищах инициативных групп, озабоченных защитой, как стали говорить в начале этого десятилетия, окружающей среды. А еще едва ли не врезались друг в друга в Норидже, закупааясь в универсаме «Джерроддс», обменивались кивками и короткими приветствиями на выставках и занимали соседние кресла в театре.

Как-то раз, отправившись в Лондон, они обнаружили, что являются единственными пассажирами в вагоне первого класса. Полчаса они вежливо общались, чтобы хоть как-то скоротать время в пути. Затем Джинни с улыбкой извинилась, порылась в сумочке и достала толстую книгу в бумажной обложке. Она спряталась за этой книгой, а Эмма стала изучать рисунок на обложке. Стройная женщина с маленькой короной на пышных волосах стояла перед сельским домом, из крыши которого анахронизмом

торчали печные трубы. Затеяливой золотой вязью на обложке было выведено: «Супруга Крукбека». Эмма перевела взгляд за окно. Там расстился унылый восточноанглийский пейзаж и над полями кружили вороны. Поезд все дальше уходил от края Англии и уверенно приближался к ее сердцу. Эмма тоже взялась за книжку.

На грязном вокзале Ливерпуль-стрит они расстались, попрощавшись кивком и улыбкой. В Лондоне их пути расходились, зато в Норфолке встреч было не избежать. Добрая дюжина местных семейств устраивала званые вечера, на которые приглашали обеих женщин. На бесчисленных свадьбах и крестинах они порой заводили между собой вежливые и даже вполне дружеские беседы. А на застольях накануне Нового года желали друг другу удачи и счастья — причем иногда почти искренне.

Тем февральским утром Джинни стояла в окружении толпы скорбящих. На похороны собрались друзья и товарищи по работе — Феликса хорошо знали и ценили, поэтому попрощаться прибыли многие. Церковь располагалась на возвышенности, и свирепый ветер раздувал пальто и плащи, рвал с шей шерстяные шарфы и бросал в раскрасневшиеся лица пригоршни снега. Несмотря на пояс сосен вдоль церкви, близость моря сразу ощущалась и угадывалась.

Одни скорбящие медлили у входа в церковь, изучая расписание служб и объявления об уборке и чистке меди в храме, другие мрачно стояли среди надгробий и выглядели какими-то потерянными. Парковаться на открытой стоянке перед воротами церковной ограды пришлось в два ряда, поэтому приехавшие первыми вынуждены были ждать, пока попрощаются и уедут последние. Джинни, опираясь на руку сына, бродила между этих грустных людей, выслушивая слова утешения и бормоча полагавшиеся любезности в ответ; она-то знала, сколько неудобств доставляет смерть.

Собственная семья — сын Дэниел, архитектор, и дочь Клэр, трудившаяся в отделе закупок «Хэрродс» — вела

себя с Джинни настолько заботливо и тактично, насколько вообще можно было пожелать. Однако сама всячески оттягивая этот момент, Джинни сознавала, что ей хочется поговорить с Эммой, понимала, что только им двоим, раз уж так сложилось, найдется, что сказать друг другу. Она похлопала сына по руке, улыбнулась и двинулась прочь по усыпанной снегом траве; ее походка была твердой, как бы точно выверенной, а высокие каблуки оставляли углубления в земле, напоминавшие ямки для семян.

Джинни Палмер была строгой и решительной, этакой Уоллис Симпсон* наших дней, и траурный наряд лишь подчеркивал эти черты ее характера. Приближаясь к Эмме, она достала из кармана накрахмаленный, обшитый кружевами носовой платок, аккуратно сложила его несколько раз и провела по кончику своего носа; необходимости в этом жесте не было, но он казался подходящим обстоятельствам — вот я, вдова, как бы говорил этот жест, слезу за собой даже в подобные мгновения.

Эмма Элдред держала руки в карманах, потому что позабыла надеть перчатки. На ней было то же пальто, какое она носила много лет, в любых ситуациях — и когда обходила пациентов, и когда шла в магазин, и когда прогуливалась, и когда бегала на свидания с Феликсом. Она не видела потребности в иной одежде, будь то в повседневной жизни или в дни вроде сегодняшнего; пальто было темным, скромным и пристойным, а еще ей почему-то чудилось, что в этом пальто Феликс ее наверняка узнал бы.

Эмму нельзя было назвать крупной женщиной, однако со стороны она производила именно такое впечатление: в свои сорок восемь она совершенно не пользовалась косметикой, а ее ногам было тепло и удобно в поношенных башмаках с кожаными кисточками, что смотрелись не как украшения, а как лохмотья. С мужем Джинни она

---

* Разведенная американка, на которой женился в 1937 г. английский король Эдуард VIII, вследствие этой женитьбы утративший престол. Прославилась своей энергичностью и умением добиваться поставленных целей. — *Здесь и далее примеч. ред.*

была знакома с самого детства. Пожалуй, Эмма могла бы выйти за него замуж, но она никогда не воспринимала Феликса как потенциального мужа. Их интрижка, по ее собственным ощущениям, была пределом возможных отношений. Наблюдая за приближавшейся Джинни, Эмма съежилась — внутренне, отнюдь не внешне. Посторонний человек, лишь отчасти посвященный в хитросплетения семейной жизни Палмеров, наверняка принял бы Джинни за ловкую стерву-любовницу, а Эмму — за брюзгливую старую жену.

Женщины некоторое время молча стояли рядом, а затем Джинни, чувствуя, что ветер пробирает до костей, сделала еще шаг вперед и остановилась, придерживая у горла норковый воротник.

— Что ж, Джинни, — произнесла Эмма, — я пришла не затем, чтобы за мною прятались от ветра.

Она вынула правую руку из кармана и хлопнула Джинни по плечу. Жест вышел довольно бесцеремонным. Она не столько утешала, сколько подбадривала; так хлопают усталую скаковую лошадь, которой предстоит преодолеть очередной барьер.

Джинни отвернулась, скрывая подступившие к глазам слезы. Потом снова поднесла к лицу аккуратно сложенный носовой платок.

— Почему, Эмма? — спросила она, и в ее голосе прозвучало раздражение, грозившее, казалось, перерасти в ярость. — Скажи мне, почему? Ты же врач.

— Его я не осматривала.

— Он ничем не болел. Даже суток дома не отлеживался.

Эмма устремила взгляд на кожаные кисточки на своих башмаках. Ей чудилось, будто она всматривается в своего умершего любовника, проникает взором сквозь твидовый пиджак, который он постоянно носил, сквозь шерстяной пуловер, сквозь рубашку в полосочку, сквозь кожу и плоть — до самых артерий, по которым медленно текла кровь Феликса, темный подземный поток, запертый в заиленных берегах.